

На правах рукописи

Бусырева Елена Владиславовна

**СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В ФИНСКИХ
СЕМЬЯХ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ
(60-Е ГОДЫ XIX В. – НАЧАЛО XXI В.)**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2016

Работа выполнена в Центре гуманитарных проблем Баренц региона
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Кольского
научного центра Российской академии наук.

Научный руководитель:

Разумова Ирина Алексеевна – доктор исторических наук, ЦГП КНЦ РАН,
главный научный сотрудник (г. Апатиты)

Официальные оппоненты:

Черных Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Пермский
научный центр УрО РАН», сектор этнологических исследований, заведующий
(г. Пермь)

Илюха Ольга Павловна – доктор исторических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН», и.о. директора
(г. Петрозаводск)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН»
(г. Сыктывкар)

Защита состоится «17» января 2017 г. в 11.00 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул.
Университетская, 1, корпус 2, ауд. 407.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск,
ул. Ломоносова, д. 4Б и на сайте <http://dissovet.udsu.ru/board/dm-212-275-01>.

Электронная версия автореферата и объявление о защите размещены на
официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ
<http://vak3.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета <http://dissovet.udsu.ru/board/dm-212-275-01>.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы обусловлена тем, что история семей, имеющих финские корни, способствует более глубокому и всестороннему пониманию этнических процессов, в том числе миграций, которые происходили на Кольском Севере начиная с шестидесятых годов XIX в. Первые финские переселенцы были выходцами из Улеборгской губернии, самой северной губернии Великого княжества Финляндского. Финны селились в западных районах Кольского уезда. Таким образом, миграции финнов носили приграничный характер. Максимальная численность финнов в процентном отношении к остальному населению Кольского полуострова была достигнута накануне революции. В период форсированного освоения Хибин (тридцатые годы XX в.) общее население региона увеличилось в десять раз. В эти же годы произошло резкое увеличение финского населения за счет переселения раскулаченных ингерманландцев (Приложение 7). В связи с необходимостью промышленного развития севера в районах добычи полезных ископаемых возникают спецпоселения.

Финское население в разные периоды в большей или меньшей степени являлось субъектом межэтнических взаимодействий на Кольском Севере, участвовало в формировании поликультурного облика приграничного региона, было вовлечено в процессы промышленного освоения территории, способствуя ее развитию. У членов и потомков финских семей, чьи жизненные траектории пришлось на переломный этап этнической истории финнов, в настоящее время наблюдается рост интереса к семейной истории и культуре, что дает дополнительное основание восполнить исследовательскую лакуну в изучении финского населения Крайнего Севера.

Объект исследования – семейно-родственные общности с финской родословной, представители которых проживают на территории Мурманской области. Объект включает и нуклеарные семьи, и родственно-генеалогические группы, основывающиеся не только на реальных взаимодействиях, но и на генеалогическом знании и семейной памяти. В соответствии с местом исхода семейно-родственные общности с финской родословной подразделяются на 4 локальные группы (список информантов содержится в Приложении 1). В настоящее время представители всех групп объединяются термином «российские финны». Официальное понятие «российские финны» утвердилось в связи с принятием 29 июня 1993 г. Верховным Советом Российской Федерации Постановления «О реабилитации российских финнов»¹ (Приложение 2). Семьи с финскими корнями традиционно проживают в западных районах Мурманской области.

¹ Постановление Верховного Совета РФ № 5291-1 «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. Электронный фонд правовой документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004644>.

Предмет исследования – процессы сохранения и трансформации этничности на примере семей с финской родословной, история финнов Мурманской области с 1860-х гг. до начала XXI в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1860-х гг. до начала XXI в. Нижняя граница определяется возникновением первых финских колоний на Западном Мурмане и обусловлена глубиной памяти современных представителей финских семей о своей родословной. Настоящее время представляет верхний рубеж исследования. Установленные хронологические рамки позволяют проследить процесс изменения этничности в финских семьях.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию современной Мурманской области. В различные исторические периоды происходили административные изменения региона. В 60-х гг. XIX в. территория входила в состав Кольского уезда Архангельской губернии, в 1883 г. Кольский уезд стал самостоятельным административным образованием. В 1899 г. уезд переименован в Александровский. В период интервенции (лето 1918 г. – февраль 1920 г.) регион находился в составе Северной области с административным центром в Архангельске. Летом 1920 г. Кандлакшская и Ковдская волости были включены в состав Карельской трудовой коммуны. Летом 1921 г. была образована Мурманская губерния. Летом 1927 г. Мурманская губерния (округ) вошла в состав Ленинградской области. В 1938 г. Мурманский округ был преобразован в отдельную Мурманскую область, при этом к ней был вновь присоединен Кандалакшский район.

Степень изученности. Изучение российских финнов началось еще в дореволюционный период. Публикации исследователей подразделяются по хронологическому принципу на дореволюционные, советские и постсоветские. Первыми стали описывать финских колонистов Кольского Севера, в том числе и с этнографической точки зрения, государственные чиновники и бытописатели. В их числе вице-губернатор Архангельской губернии Д.Н. Островский, губернатор Архангельской губернии А.П. Энгельгардт, контр-адмирал А.К. Сиденснер, этнограф Н.Н. Харузин и участник экспедиции, предпринятой Обществом распространения естественнонаучных знаний В.Н. Никольский². Их интерес имел практический характер и был вызван экономическими и колонизационными потребностями Российской империи, необходимостью определить

² Путеводитель по Северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора) / Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства; сост. Д.Н. Островским. СПб.: Типография А. Бенке, 1898. 146 с.; Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки. М.: ОГИ, 2009. 256 с.; Сиденснер А. Сведения о Мурманском берегу, собранные летом 1896 года контр-адмиралом Сиденснером. СПб.: Типография Морского Министерства, 1897. 102 с.; Он же. Описание Мурманского побережья. С.-Петербург: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1909. 272 с.; Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М.: Товарищество А.А. Левинсон, 1895. 99 с.; Никольский В.Н. По горам и рекам Кольского полуострова. Архангельск: Губернская топография, 1913. 28 с.

перспективы развития в регионе промысловой и колониальной жизни: от экономического положения до нравов и обычаев населения.

В 1920-х гг. продолжилось изучение края в этноэкономическом отношении. Ценные данные содержат труды исследователя рыбных промыслов А.А. Жилинского и экономиста-аграрника Н.В. Воленс, их труды носили общий статистико-экономический характер. Работы этнографов В.К. Алымова и Д.А. Золотарева были посвящены этнографическому изучению саамов, о кольских финнах упоминалось лишь попутно³. Углубленным изучением финского населения края с этнографической точки зрения никто не занимался. Начиная с середины 1930-х гг. и до конца 1960-х гг. исследования, посвященные финнам Мурманской области, не проводились. 1930-е–1940-е гг. стали для финнов трагическими. Многие из них были репрессированы и осуждены за шпионаж и контрреволюционные преступления, оставшиеся высланы за пределы региона. Информация о них, долгое время хранившаяся в архивах, стала публиковаться с 1990-х гг. после появления Постановления Верховного Совета РФ № 5291 «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г.

В последние десятилетия возрос интерес к истории российских финнов. Исследователей, в работах которых затрагивалась тема судеб финнов Кольского Севера, можно условно разделить на шесть региональных групп: 1) мурманская школа исторического регионоведения (И.Ф. Ушаков, А.А. Киселев, Е.А. Орехова, В.Я. Шашков, Ю.П. Бардилова); 2) исследователи Карелии (И.Р. Такала, Э.Г. Карху, О.П. Илюха, Е.Ю. Дубровская); 3) санкт-петербургская школа (В.И. Мусаев, А.Ю. Заднепровская, Л.А. Гильди, А.Ю. Чистяков, А.Ю. Юрченко); 4) московские исследователи Н.В. Шлыгина и Н.Ф. Бугай; 5) архангельские историки Г.П. Попов и Р.А. Давыдов; 6) зарубежные исследователи В. Расила, М. Йентофт, П. Хакамиэс, М. Энгман.

История колонизации финнами Мурманского берега отражена в работах И.Ф. Ушакова, А.А. Киселева, Е.А. Ореховой, А.Ю. Юрченко⁴. В частности, А.Ю. Юрченко и Е.А. Орехова наряду с проблемами иностранной колонизации Мурманска уделяют внимание хозяйственной деятельности

³ Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. 296 с.; Воленс Н.В. Колонисты Мурманска и их хозяйство: материалы статистико-экономического исследования 1921–1922 гг. М., 1926. Вып. 28. 112 с.; Алымов В.К. Об ассимиляции лопарей // Вестник Карело-Мурманского края, 1925. № 17–18. С. 7–10; Он же. Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова // Кольский сборник. Л.: изд-во АН, 1930. Вып. 23. С. 71–101; Золотарев Д.А. Кольские лопари // Труды Лопарской Экспедиции РГО. Л.: АН СССР, 1928. 147 с.; Он же. На Северо-Западном побережье Мурманска // Кольский сборник. Л.: АН СССР, 1930. Вып. 23. С. 1–21.

⁴ Ушаков И.Ф. Хрестоматия по истории Кольского Севера. Мурманск: МОИПКРО, 1967; Он же. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972; Киселев А.А. Родное Заполярье: очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск, 1974; Он же. Финны на Мурмане, или как возникла и исчезла финская община на Кольском полуострове // Наука и бизнес на Мурмане, 2003. № 3; Он же. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009; Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: дис. канд. ист. наук. СПб, 2009; Она же. Российский и советский опыт «иностранной» колонизации Мурманского берега // Межнациональные и межкультурные отношения в Российском Заполярье. Мурманск: МГТУ, 2010; Юрченко А.Ю. Этнические аспекты колонизации побережья Баренцева моря в середине XIX – начале XX вв. // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. № 2.

переселенцев. Темы спецпереселений и репрессий советского периода широко освещаются в работах В.Я. Шашкова, С.Н. Дашинского, Л.А. Гильди, Л.И. Вавулинской, С.А. Савиловой, С.П. Локко⁵. В книге «Финны на Мурмане», написанной в жанре мемуаров, С.П. Локко дает подробное описание материальной культуры кольских колонистов.

Большой вклад в изучение культуры финнов внес Э.Г. Карху. Особенную значимость представляет его книга «Малые народы в потоке истории». В ней содержатся сведения о спецпереселенцах-ингерманландцах, а также этнографический материал (о быте, пище, одежде, языке, религиозных представлениях и практике, структуре семьи), свидетельствующий, в частности, об адаптации ингерманландцев к условиям Кольского Севера. При общей установке на научность книга имеет мемуарный характер.

Исследователи дореволюционного периода в основном делают акцент на изучение перспектив рыбного промысла в регионе. В советский период основное внимание уделяется проблемам освоения края, а также проводятся этнографические исследования автохтонного населения – саамов (лопарей). В постсоветский период приоритетной становится тема репрессий. Более подробные сведения представлены в первой главе. Историография содержит данные об основании финских колоний на Западном Мурмане, о способах ведения хозяйства, о религиозной жизни колонистов. Однако специальных работ обобщающего характера, посвященных рассмотрению этнических процессов на примере финских семей Мурманской области, не было. Данное исследование предполагает восполнение пробелов в изучении истории финнов Мурманской области.

Цель и задачи. Цель диссертационной работы – выявление степени сохранности и трансформации этнокультурной идентичности на примере семей с финской родословной.

⁵ Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Мурманск: Издательство МГПИ, 1993; Его же. Великое выселение // Вечерний Мурманск. 1999 (19 октября); Его же. Спецпереселенцы // Мурман, Хибины до и после... Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 2002; Его же. Репрессии против финнов и других спецпереселенцев // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманское книжное издательство, 2003. № 3. (История и право); Бугай Н.Ф. Институционализация экстремизма в отношении этнических общностей в 40-е годы XX века (на примере Союза ССР и стран Западной Европы) // Международные отношения: история и современность // «Белые пятна» российской и мировой истории. Вып. 2–3. 2012; «По решению правительства Союза ССР...»; сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа». 2003; Книга памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР; сост. Л.А. Гильди, М.М. Браудзе. СПб.: ООО «Гиоль», 2010; Гильди Л.А. Расстрелы, ссылки, мученья. СПб, 1996; Его же. Судьба «социально-опасного народа» (Засекреченный геноцид финнов в России и его последствия. 1930–2002 гг.). СПб: Издательство ДЕАН, 2003; Его же. Народ изгой в России. СПб, 2006; Книга памяти: Рос. Федерация, Мурман. обл. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской обл.; сост. С.Н. Дашинский, В.В. Воронин, В.А. Нечушкин. Мурманск: Север, 1997; Дашинский С.Н. Не делать из истории политику // Сборник «Расстрелянная семья». Мурманск, 2002; Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013; Савилова С.А. «Хотелось бы всех поименно назвать» // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск: АСТЭС, 2008.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Выявить факторы, которые определяли историю семей с финской родословной на протяжении нескольких поколений;
2. Исследовать механизмы трансформации этничности в моно- и гетероэтнических семьях;
3. Выявить стратегии адаптации семей к социально-политическим контекстам;
4. Рассмотреть элементы этнической культуры, которые являются основанием этнической самоидентификации потомков финских семей.

Источники. Источниковая база состоит из комплекса неопубликованных и опубликованных материалов.

Неопубликованные материалы включают следующие:

1) документы Государственного архива Мурманской области (ГАМО) в гг. Мурманске⁶ и Кировске⁷ (Приложение 3); эти документы отражают политику советской власти в довоенный период, содержат статистические сведения; документы Государственного архива Архангельской области⁸ (ГААО) содержат сведения о лютеранском приходе и о строительстве кирх в колонии Ура-губа и в г. Александровске;

2) полевые материалы автора. Основным источником послужили интервью, собранные в городах Мурманск, Апатиты, Кировск (в том числе в микрорайоне Кукисвумчорр), Мончегорск, Ковдор, Полярные Зори, поселках Верхнетуломский, Кильдинстрой, Ревда, Африканда и Княжая Губа Мурманской области;

3) документы семейных архивов информантов: фотоматериалы, фонд документов родственников, генеалогические древа, эпистолярный, материалы СМИ (подборки из газет о членах семьи).

Опубликованные материалы включают:

- 1) законодательные акты и нормативные документы;
- 2) статистические данные (материалы переписей населения);
- 3) материалы публикаций периодической печати;
- 4) мемуары, воспоминания, путевые заметки.

Подробное описание источниковой базы представлено во втором параграфе первой главы.

Методологическая основа исследования. Исследование основывается на принципе историзма, в соответствии с которым этническая общность рассматривается как объективно существующее явление, выделяемое на основе таких признаков, как язык, религия, материальная культура. С этой

⁶ ГАМО в г. Мурманске. Ф. Р-162 – «Мурманского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительный комитет Мурманского округа Ленинградской области».

⁷ ГАМО в г. Кировске. Ф. 10 – «Отдел образования Хибинского горисполкома (1934–1935 гг.)», Ф. Р71 – «Кировский районный Совет депутатов трудящихся».

⁸ ГААО. Ф. 1. – «Канцелярия архангельского губернатора за 1710–1917 гг.», Ф. 75. – «Строительное отделение Архангельского губернского правления за 1865–1919 гг.».

позиции была предпринята попытка рассмотреть в динамике культуру финских семей, проживающих в регионе, а также проанализировать социокультурные процессы с 60-х гг. XIX в. по настоящее время, выявить причины и следствия происходивших изменений. В работе использовалась, разработанная еще в советской этнографии и не утратившая своего значения в настоящее время, теория этнических процессов Ю.В. Бромлея⁹.

С другой стороны, обращение к вопросам этнической идентичности предопределило использование конструктивистской методологии (труды Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Р. Брубейкера, В.А. Тишкова, С.В. Соколовского¹⁰), в соответствии с которым объективные признаки этноса если не полностью отрицаются, то уступают место «мифу» (или «вере» в наличие общих свойств для членов группы), причем каждая этническая общность сама определяет те признаки, которые для нее значимы. Исследовательские акценты переносятся на процессы формирования и динамики границ этнических общностей на основе определения и переопределения этих свойств социальными субъектами (этническими группами, семьями, индивидами). Новейшая история российских финнов демонстрирует, что этничность может выступать в качестве инструмента для достижения определенной цели. Таким образом, этническая общность определяется по совокупности объективных и субъективных характеристик, то есть в рамках интегративного подхода. Для обеспечения достоверности сопоставлялись исследования по истории российских финнов Ленинградской области и Карелии, данные устной истории, материалы государственных архивов, статистические сведения, то есть, применялся междисциплинарный подход.

В определении семейно-родственных общностей существенное значение имели исследования С.И. Голода, Ю.А. Гаспаряна, И.А. Разумовой, Т. Харевен, П. Томпсона¹¹. При изучении семейной историко-культурной

⁹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

¹⁰ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London and New York: Verso, 1991; Hobsbawm E. *Terence Ranger: The Invention of Tradition*. Cambridge University Press. Cambridge, 1992; Он же. *Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914 // Representing the Nation: A Reader*. Eds. David Boswell, Jessica Evans. London, New York: Routledge, 2007; Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 283 p.; Соколовский С.В. *Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение*. М., 1994. № 2; Он же. *Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) // Этнографическое обозрение*. М., 2001. № 2; Он же. *Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение*. М., 2008. № 4; Тишков В.А. *О феномене этничности // Этнографическое обозрение*. М., 1997. № 3; Он же. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука, 2003.

¹¹ С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998; Разумова И.А. *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История*. М.: Индрик, 2001; Она же. *Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009; Она же. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика // Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI вв.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013; Гаспарян Ю.А. *Семья на пороге XXI века*. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1999; Харевен Т. *Время семьи и время промышленности // Хрестоматия по устной истории; Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории*. СПб.: ЕуСПб, 2003.*

памяти использовалась концепция социальной памяти, разработанная в трудах М. Хальбвакса, Я. Ассмана¹².

В части анализа проблем миграционно-адаптационных процессов представляются значимыми труды Кэролайн Б. Бреттелл и Джеймса Холлифилда. В работе «Migration Theory» авторы, в частности, рассматривают вопросы о влиянии миграции на изменение культуры, этнической идентичности, а также причины миграции. Основная цель «Migration Theory» – «наведение мостов между различными дисциплинами», изучающими миграции. Д. Холлифилд и К. Бреттелл отмечают возможности применения для изучения миграционных процессов методов типологизации биографических «историй жизни», этнографического описания жизненных путей, образа жизни¹³.

В процессе исследования применялся сравнительно-исторический метод, при помощи которого были выявлены основные черты трансформации этничности в семьях с финской родословной. При помощи компаративного метода выявлены общие черты и особенности культуры различных финских групп.

При сборе и анализе устного материала использовались биографический и устно-исторический методы. Отличительной чертой устной истории как метода является акцент на субъективном восприятии истории отдельной личностью, кроме того, устная история служит источником фактической информации¹⁴. Этот метод позволяет сохранить свидетельства непосредственных участников исторических событий, «обычных людей», которые в официальных источниках фигурируют только в качестве статистических единиц, а часто и вообще забыты.

Устно-исторические интервью позволяют изучить генеалогии, истории, повседневную жизнь переселенческих семей. Реконструкция истории семьи на протяжении нескольких поколений принято называть методом социальных генеалогий¹⁵. Судьба отдельно взятой семейно-родственной общности, во-первых, является частью локального знания, во-вторых, представляет в рассказанной семейной истории «макроисторические» события (война, депортация этнических групп, политические решения, социально-экономические преобразования). Эти события выступают в качестве факторов, определяющих судьбу членов семьи¹⁶.

¹² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007; Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia historica).

¹³ Migration Theory: Talking across discipline / Ed. by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. Routledge \ Taylor & Francis Group, NY and London, 2000.

¹⁴ Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: ЕуСПб, 2003; Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории. СПб.: ЕуСПб, 2003.

¹⁵ Судьбы людей: Россия. XX век. (Биографии семей как объект социологического исследования). ИС РАН. М.: 1996.

¹⁶ Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования); Она же. Культура семейно-родственных групп; Она же. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере.

Основная база устных источников состоит из 32 транскрибированных интервью. При анализе учитывались такие особенности устно-исторического источника, как высокая степень субъективности и воздействие на него со стороны интервьюера. В ходе интервью информант выстраивает рассказ о своей жизни вокруг определенной темы, которую устанавливает интервьюер, при интерпретации используются анализ и обобщение. При рассмотрении историй отдельных семей в случаях наличия разных источников использовался метод триангуляции, особенно при сопоставлении данных, полученных от двух или нескольких родственников, или от информантов, с детства хорошо знавших семьи друг друга. При транскрибировании учитывались интонация и другие речевые особенности информантов, которые влияют на воссоздание смысла текста¹⁷. Таким образом, применялась смешанная стратегия сбора и анализа данных, которая комбинирует материалы интервью и сведения письменных источников¹⁸. Дополнительные разъяснения в отношении используемых методов содержатся в подпараграфе «Устные источники» первой главы.

Научная новизна исследования. В диссертационном сочинении впервые предпринята попытка комплексного изучения этнических процессов у финнов Кольского Севера. В работе рассматриваются этнические особенности финских колонистов, проводится сравнительный анализ их культуры с культурой других финских групп. Анализируются судьбы финских переселенцев начиная с периода возникновения первых колоний в 60-х гг. XIX в. до настоящего времени. Преимущественное внимание уделяется изучению этносоциальных процессов сквозь призму истории семей, и семья рассматривается как субъект межэтнических взаимодействий. Привлекается новый материал, полученный автором в результате полевых исследований 2009–2015 гг. среди семей с финскими корнями, проживающих на территории Мурманской области. В научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся архивные и полевые материалы. Специальных работ, посвященных финнам Мурманской области в аспектах изучения этнической истории и культуры семьи, пока нет. Существующие исследования не затрагивают вторую половину XX в., этот период этнической истории не изучен, хотя именно на данном этапе происходили процессы этнической ассимиляции, и он интересен с точки зрения культурных трансформаций.

Практическая значимость работы. Содержащиеся в диссертации материалы и полученные на основе их анализа выводы могут быть использованы в обобщающих и частных научных исследованиях по истории и этнографии Северо-Запада Европейской части России. Результаты работы

¹⁷ Филюшкин А.И. Методические указания по проведению исследований по устной истории. М., 2005. URL: <http://www.nashpolytech.ru/index.php>; Харевен Т. Время семьи и время промышленности; Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью; Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена»; Портелли А. Особенности устной истории.

¹⁸ Ряснен М. Анализ теории и практики полевых работ // Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия. СПб: СПб У, 1997.

могут найти применение при прогнозировании развития и оптимизации межэтнических отношений в регионе. Материалы исследования могут использоваться в системе образования, в работе региональных историко-краеведческих музеев. Выводы работы могут быть привлечены при разработке рекомендаций по культурно-социальной политике на региональном уровне.

Положения, выносимые на защиту:

1. Финны как самая крупная группа «инонационалов», представленная несколькими локальными общностями выходцев из различных территорий и с различной историей, участвовали в формировании поликультурного облика региона и внесли весомый вклад в его хозяйственное развитие.
2. Несмотря на репрессивную политику, проживание в иноэтническом окружении и «открытую» модель взаимодействия с этносами-соседями, российские финны сохранили идентичность, которая базировалась на семейной истории, отдельных показательных элементах этнической культуры и явилась основанием для реконструкции этничности потомков.
3. Несмотря на влияние различных внешних факторов на ассимиляционные процессы, сохранение финской идентичности в большой степени зависит от культурной политики семьи и личной мотивации членов семей с финской родословной.
4. Учитывая сложные социально-политические условия, в которых оказалось большинство финских семей, их представители старались применять различные стратегии адаптации: переезды в отдаленные населенные пункты, смена паспортных данных (этничности, фамилии), браки с русскими (у женщин).
5. Для российских финнов одним из наиболее значимых этнодифференцирующих признаков, объединяющих представителей локальных финских групп, является осознание «исторической травмы»; они относятся к числу общностей, идентификация которых связана с историческим маркером «репрессированный народ». Язык, вероисповедание и, тем более, материальная культура не являются основными идентификаторами этнической принадлежности.

Степень достоверности и апробация результатов. Научная достоверность обеспечивается тем, что в основе исследования лежит принцип историзма, используются научные методы, которые включают анализ текстов, документов, семейно-биографических данных; работа основывается на комплексе опубликованных и неопубликованных источников. Введенные впервые в научный оборот материалы архивов соотносятся с полевыми данными, собранными в 2009–2015 гг. на территории Мурманской области. Выводы формулируются на основе тщательного микроуровневого анализа истории и культуры семей с финскими корнями и сопоставляются с результатами исследований о российских финнах Карелии и Ленинградской области.

Основные положения диссертации были представлены в докладах на 9 научных конференциях: региональном научно-практическом семинаре с международным участием «Социокультурные механизмы повседневности в приполярном мире» (МГГУ, Мурманск, 28–29 ноября 2011 г.), межрегиональной научно-практической историко-краеведческой конференции «IX Ушаковские чтения» (МГГУ, Мурманск, 14–16 марта 2012 г.), XI Санкт-Петербургских этнографических чтениях с международным участием «Феномен социализации в этнической культуре» (РЭМ, Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2012 г.), V Всероссийской конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.), Седьмых Шёгреновских чтениях «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт» (РЭМ, Санкт-Петербург, 2–4 марта 2015 г.), III областной краеведческой конференции, посвященной 80-летию Кировского историко-краеведческого музея (Кировск, 23–24 апреля 2015 г.), XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.), 2nd International Conference «In the Spirit of the Rovaniemi Process – Local and Global Arctic» (Рованиemi, 24–26 ноября 2015 г.), региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования» (Апатиты, 7 апреля 2016 г.). Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 20 публикациях, в том числе в четырех изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Диссертационная работа обсуждена и рекомендована для представления к защите Ученым советом ЦГП КНЦ РАН 22 января 2016 г.

Структура исследования. Диссертационное исследование состоит из двух томов. Первый том включает введение, четыре главы, заключение, список использованных источников и литературы. Второй том содержит приложения, включающие сведения об информантах, таблицы, карты, диаграммы, фотоматериал, копии документов из семейных архивов информантов, схемы миграционных траекторий и брачные схемы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его цель и задачи, объект и предмет, методологическая основа, хронологические и территориальные рамки; характеризуется источниковая база; формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов; обозначается структура диссертации.

Первая глава **«История исследования финнов на Кольском полуострове: источники и исследования»** представлена двумя параграфами и посвящена обзору работ по истории исследования российских

финнов, а также анализу источников, используемых в диссертационной работе.

В первом параграфе **«История и историография»** дается историографический обзор. В первом подпараграфе рассматриваются дореволюционные исследования финского населения Кольского Севера, которые в основном были связаны с изучением колоний Мурманского побережья. Проблема колонизации окраин империи являлась одной из наиболее острых социальных проблем в России XIX в., поэтому развитие этнографии того периода во многом обусловлено требованиями колониальной политики. Царское правительство было заинтересовано в привлечении переселенцев в необжитый край, и в то же время оно опасалось чрезмерного увеличения численности «иностранных» граждан, что обусловило двойственность политики в отношении «инонационалов».

Во втором подпараграфе рассматриваются исследования Кольского Севера советского периода, содержащие этнографические сведения. Труды двадцатых годов носили или общий статистико-экономический характер (А.А. Жилинского, Н.В. Воленс) или были посвящены этнографическому изучению саамов (В.К. Алымова, Д.А. Золотарева). Однако А.А. Жилинский помимо данных о рыбных промыслах дает историческую справку о финских колонистах и приводит статистические сведения о численности жителей колоний. Н.В. Воленс по итогам Северной научно-промысловой экспедиции издает отчет, в котором содержится похозяйственная и промысловая перепись Мурманска, статистические данные о численности финского населения, описывает особенности финских поселений. Этнографы В.К. Алымов и Д.А. Золотарев описывали влияние межэтнических браков саамов с финнами на ассимиляцию саамов.

В тридцатых годах смена политического курса в СССР сопровождалась постепенным свертыванием национально-ориентированных проектов, экспедиционной деятельности. Тридцатилетний период с середины 1930-х до конца 1960-х гг. является лакуной в изучении мурманских финнов в советской историографии. С конца 1960-х гг. появляются работы историков, краеведов (работы И.Ф. Ушакова, А.А. Киселева, В.М. Холодковского, Н.П. Береснева), содержащие фрагментарные упоминания о финских колонистах, о роли «красных» финнов в борьбе с белофиннами.

В третьем подпараграфе отмечается, что начиная с 1990-х гг. возникает интерес к истории российских финнов в связи с их реабилитацией. Судьбы семей с финскими корнями рассматриваются в исследовательской литературе в контексте двух основных тем: истории колонизации Мурманска (прежде всего, в работах Е.А. Ореховой, А.А. Киселева) и репрессий сталинского периода (труды В.Я. Шашкова, Л.А. Гильди).

Во втором параграфе **«Источники по истории семей с финской родословной»** представлена источниковая база работы. В первом подпараграфе сделан обзор опубликованных источников по истории

кольских семей с финской родословной. Эта категория подразделяется на четыре группы: законодательные акты и нормативные документы; статистические материалы; материалы периодической печати; мемуары, воспоминания, путевые заметки. К первой группе источников относятся документами Полного Свода Законов (ПСЗ) Российской империи, касающиеся колонистов мурманского побережья и предоставления им льгот. К той же категории источников советского периода относится Уголовный кодекс 1933 г. и Приказы наркома внутренних дел и Постановления правительства СССР. Статистические материалы содержат переписи населения, начиная с Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., «Материалы по статистическому исследованию Мурмана» в 1902–1903 гг., материалы статистико-экономического исследования мурманских колоний в 1921–1922 гг., справочник административно-территориального деления Мурманской области. Информацию о репрессированных финнах содержат «Книги памяти».

Во втором подпараграфе анализируются неопубликованные источники, представленные архивными и устными полевыми материалами. Первую группу источников составляют документы из государственных архивов: фонд Р–71 «Кировского районного Совета депутатов трудящихся» и фонд 10 «Отдела образования Хибинского горисполкома (1934–1935 гг.), Государственного архива Мурманской области в г. Кировске; фонд Р–162 «Мурманского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительный комитет Мурманского округа Ленинградской области» за период с 1 августа 1927 г. по 28 мая 1938 г. в г. Мурманске; фонд 1 «Канцелярия архангельского губернатора за 1710–1917 гг.» и фонд 75 «Строительное отделение Архангельского губернского правления за 1865–1919 гг.» Государственного архива Архангельской области.

Вторую, основную, группу неопубликованных источников составляют фонды семейных архивов, включающие справки из архивов РФ и Финляндии, а также различных организаций, генеалогические древа, эпистолярий, подборки материалов печатных СМИ о членах семьи (Приложение 4), фотоархивы (Приложение 6). Результатом ознакомления с семейными архивами стало формирование значительного корпуса фото и аудиоматериалов.

Основной корпус неопубликованных источников представлен устными полевыми материалами (интервью), полученными у 32 информантов, проживающих в настоящее время в городах и поселках Мурманской области. Возраст информантов определен границами от 1922 г.р. до 1984 г.р. Интервью дополняют и конкретизируют данные по истории освоения Кольского Севера, хозяйственной деятельности и быта финнов, истории переселений, содержат новую и ценную биографическую информацию.

Интервью и архивные документы позволили реконструировать судьбы конкретных семей на протяжении нескольких поколений.

Вторая глава **«История и миграционные траектории современных кольских семей с финскими корнями»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«История миграций финских семей в истории края»** рассказывается о возникновении финских колоний на Кольском полуострове начиная с 1860-х гг. Финны стали активно переселяться из-за продолжавшегося несколько лет подряд голода в Финляндии. Выходцы из северной Финляндии в дореволюционный период составили самую крупную группу переселенцев в крае. Основная причина миграций финнов в дореволюционный период была экономической: Западный Мурман был богат рыбными промыслами, кроме того царское правительство предоставляло ряд льгот переселенцам (ссуды и налоговые льготы). Мигрировали на Мурман торпари, которым у себя на родине нечего было терять. Финны селились по побережью Баренцева моря (в основном в губах и заливах между полуостровом Рыбачий и Кольским заливом), вдоль реки Тулома и в районе Иона-Бабинского погоста. Таким образом, переселенческое движение из Финляндии носило приграничный характер.

В дальнейшем миграции финнов в регион были вызваны революционными событиями и Гражданской войной в Финляндии. Многие «красные» финны стали переходить на территорию Советской России, некоторые из них оказались на Кольском полуострове.

С 1920-х гг. в Советскую Россию началась миграция финнов из США и Канады. Американские финны ехали, прежде всего, в Карелию, привлеченные верой в светлое будущее и поддавшись на агитацию вербовщиков. Часть американских финнов поселилась в Кандалакшском районе, который до 1938 г. входил в состав Карелии.

На рубеже 1920-х–1930-х гг. происходило массовое заселение Кольского Севера в связи с его промышленным освоением и созданием индустриальных центров путем спецпереселений. Среди прочих спецпереселенцев оказались раскулаченные финны-ингерманландцы.

Начиная с 1933 г. финны, проживавшие на территории Кольского полуострова, подвергались переселению в связи со строительством военно-морских баз Северного флота на месте финских колоний. Последняя депортация произошла летом 1940 г. по национальному признаку в целях обеспечения безопасности приграничных территорий.

Во втором параграфе **«Миграционные траектории семей и опыт переселений»** изучаются миграционные траектории семей с финскими корнями. Было выявлено, что основное событие в семейных биографиях занимает «миграционный сюжет», который включает обстоятельства жизни на территории выезда, причины и тактики переезда, адаптацию на новом месте и последующие судьбы потомков переселенцев.

Устные рассказы содержат уникальные исторические сведения о событиях, происходивших с самими информантами и с их родственниками. Выявляются причины, мотивы и пути переселения представителей различных финских групп на территорию края. В ходе исследования было установлено, что среди информантов присутствуют представители четырех локальных финских групп: финны-ингерманландцы, выходцы из северной Финляндии, выходцы из южной Финляндии и «американские» финны.

В 60-х годах XIX в. произошла первая волна миграций финнов на Кольский полуостров из-за продолжавшегося несколько лет подряд голода в Финляндии. В числе первых финских колонистов были предки информантов 19 и 25. Представители семей 21, 23, 28, 29 и 30 также мигрировали в дореволюционное время.

В революционные годы финны переходили демаркационную линию, спасаясь от Гражданской войны в Финляндии. В этот период перебрались на Кольский полуостров предки информантов 8, 9 и 19 (другая ветвь этой семьи). В 1920-х гг. переехали на север представители семей 6 и 17. Отец информанта 6 участвовал в создании рыболовецкой артели «американских» финнов, а прадед информанта 17 был направлен на работу по обслуживанию Мурманской железной дороги.

Процессы тридцатых годов, военного времени и первых послевоенных лет вызвали ряд насильственных и вынужденных переселений, которые дестабилизировали семейно-родственные общности. В начале 1930-х гг. были раскулачены и выселены на север члены семей 2, 3, 4, 11, 13, 14 и 16.

Основными объективными факторами миграций следует признать внутреннюю национальную политику и военный фактор, следствие которых – депортации, репрессии, эвакуация и реэвакуация. К субъективным относится «семейно-политический» фактор, который представляет вариант адаптивного поведения, нацеленного на самосохранение семьи путем смены места жительства. Миграции семей в послевоенное советское время были вызваны преимущественно практикой государственного перераспределения трудовых ресурсов после окончания учебных заведений, а также семейными факторами. В последние десятилетия наблюдается эмиграция российских финнов в Финляндию.

Устная и документальная информация позволила выстроить миграционные траектории финских семей (Приложение 8).

Третья глава **«Межэтнические браки и этническая идентификация»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Браки в истории финских семей»** рассматриваются брачные отношения в финских семьях. По документальным и устным источникам были схематизированы данные о брачности в пределах семейно-родственных общностей. На основании эмпирического материала межэтнические браки были распределены по типам. Под типом межэтнического брака в данном случае

понималась этническая конфигурация супружеского союза. Всего определено 228 брачных союзов (Приложение 10).

Было подтверждено, что до начала 1930-х гг. браки в финских семьях были этнически эндогамными и социально гомогенными, однако в результате дисперсного расселения финнов браки становятся преимущественно гетероэтническими. Наиболее распространенными в поколении информантов старшего возраста и особенно их родителей были браки финнов с карелами. Это объясняется культурно-языковой и территориальной близостью карелов и финнов. Отмечены случаи вступления в брак финнов с саамами (преимущественно в районе с. Ёна), финских колонистов – со шведами и норвежскими колонистами (на побережье Западного Мурмана).

Начиная со второй половины 1930-х гг. вступление в межэтнический брак служило способом адаптации в иноэтнической среде. Таким бракам сопутствовало активное усвоение языка и культуры доминирующего этноса. В младших поколениях наблюдается тенденция к вступлению в брак с представителями славянских и других «неродственных» этносов. В послевоенное время смешанные браки стали нормой. Их преобладание привело к быстрому сокращению численности финнов. В настоящее время наблюдается полное преобладание межэтнических браков, которое приводит к значительной ассимиляции финнов. Изучение мотивации браков, а также брачных сюжетов в истории семей демонстрирует, что у финнов отсутствовала тенденция к усилению этнической эндогамии во имя «сохранения своего народа», они ориентированы на «открытый» способ взаимодействия с этносами-соседями. В настоящее время финская идентичность более всего проявляется в финно-карельских семьях. Выявленные мотивы браков и разводов показали, что заключение брака было и остается делом индивидуального и в основном эмоционального выбора. По сумме свидетельств о разводах, лишь в единственном случае брак распался «на национальной почве».

Во втором параграфе **«Самоидентификация»** анализируется этническая идентификация представителей семей с финскими корнями. В ходе исследования выявлено, что этническая идентичность информантов чаще всего (но не во всех случаях) базируется на национальности родителей, историческом прошлом, территории. В частности, практически все опрошенные ингерманландцы отделяют себя от прочих финских групп по территориальному критерию. Таким образом, локальная идентичность преобладает над общеэтнической. Язык, вероисповедание и тем более материальная культура не занимают ведущего места в ряду идентифицирующих признаков. Иногда информанты из гетероэтнических семей затруднялись ответить на вопрос о своей этнической принадлежности. Этническая ориентация детей в таких семьях становится весьма затруднительной, так как они обычно с рождения оказываются в

нестабильной этнической обстановке, обусловленной двуязычием, симбиозом культур. Информанты из таких семей зачастую идентифицировали себя как «русские», аргументируя это тем, что воспитывались на русской культуре. На протяжении своей жизни информанты могли изменять свою этническую принадлежность в зависимости от конкретных социальных, политических и культурных факторов. Манипулирование этничностью распространено у детей (внуков) из межэтнических семей.

Начиная с 1920-х гг. во многих семьях встречаются факты фальсификации семейных документов: заменой имен, фамилий, уничтожением фотоальбомов и т.п., – в связи с необходимостью скрывать свою принадлежность к «кулакам», «репрессированным», «неблагонадежным». На фоне травмирующего опыта репрессий и негативного отношения к себе окружающих финны старались скрыть свою этническую принадлежность. Для женщин оптимальным вариантом было вступление в брак и смена финской девичьей фамилии на русскую фамилию мужа. Другой вариант – бумажно-бюрократическая ассимиляция, когда финны записывались в другие этнические группы, переделывали финские фамилии на «русский лад».

В последние десятилетия ситуация стала кардинально меняться. Это связано с принятием Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. В настоящее время при самоидентификации информанты, особенно молодые, склонны отыскивать у себя «финские корни», так как наличие этих корней предполагает определенные выгоды, в первую очередь, возможность выехать в Финляндию на постоянное место жительства. Согласно полученным данным, фиксированная официальная этническая идентичность, существовавшая в советское время, не всегда совпадает с самовосприятием информантов.

Работа с информантами позволила сделать вывод, что чем лучше усвоена история семьи и предков, основу которой во всех рассмотренных случаях составляет «травма» переселения и репрессий, тем в большей степени осознается и переживается «финскость». Именно «травма», причастность к «репрессированному народу» является основополагающим признаком единства российских финнов. Каждый информант, излагая семейную историю, как правило, акцентировал внимание на репрессиях, направленных на конкретных родственников, а представители самого старшего поколения были непосредственными участниками и свидетелями тех событий.

В четвертой главе «**Этническая культура переселенческих семей и процесс трансформации этничности**» описаны и проанализированы основные характеристики культуры, которые чаще называют информанты, говоря о своей этнической принадлежности. Это язык, вероисповедание и элементы материальной культуры.

В первом параграфе **«Язык как маркер этничности»** показано, что для представителей семей с финскими корнями, проживающих на территории Мурманской области, финский язык не является важным идентификационным признаком. Из 32 информантов в той или иной степени владеют финским языком четырнадцать. Из них финнами себя считают 10 человек. С другой стороны 9 информантов, которые идентифицируют себя как финны, финского языка совсем не знают (Приложение 1, табл. 1).

Были выявлены причины утраты знаний родного языка, среди которых главными являются дисперсное расселение, межэтнические браки, русскоязычное окружение, боязнь говорить на родном языке из-за репрессий против финнов, низкий престиж языка. Языковой ассимиляции способствовала политика государства. До 1937 г. на Кольском полуострове в местах компактного проживания финнов имелись школы с преподаванием полного цикла предметов на финском языке. В частности в 1932 г. семилетняя финская школа была открыта в г. Хибиногорске (ныне г. Кировск) специально для детей из ссыльных ингерманландских семей. Однако в 1937 г. все финские школы были закрыты. В настоящее время из опрошенных 32 информантов свободно владеют финским языком информанты старше 65 лет из моноэтнических семей – 3, из финно-карельских семей – 2, из финно-русской семьи – 1. К факторам, способствовавшим сохранению языка, можно отнести наличие и культурное влияние бабушек-финок, а также уровень образования родителей.

Языковой сдвиг происходил из-за негативного отношения к финскому языку, когда возникало сомнение в целесообразности сохранять ему верность, а также в результате закономерной необходимости в социальной интеграции. Использование русского языка в настоящее время представляет норму для всех информантов. Знание финского языка не является для них определяющим признаком этнической принадлежности. В смешанных семьях знание детьми языка во многом зависит от культурных установок и поведения родителя-финна, особенно матери. Работа с информантами позволила сделать вывод, что определяющим фактором знания финского языка является личная «культурная инициатива» потомков финских семей в его сохранении и изучении, заинтересованность в своих финских корнях.

Во втором параграфе **«Религия и ритуально-праздничная культура»** рассмотрены религиозные традиции в финских семьях. В ходе исследования установлено, что лютеранские традиции утрачивались из-за атеистического воспитания в советские годы, а также в результате межэтнических браков с православными. В период гонений на церковь, когда лютеранские храмы повсеместно были закрыты, почти невозможно было получить религиозное воспитание. В настоящее время только трое информантов исповедуют лютеранство. Тем не менее, в большинстве семей информантов, по их свидетельствам, в прошлом придерживались лютеранских традиций, которые связываются, прежде всего, с соблюдением праздников по григорианскому

календарю, чтением домашних молитв на финском языке, крещением по лютеранскому обряду. Выявлено, что во всех случаях «ответственность» за религиозную ориентацию и соответствующую культурную политику семьи возлагалось на бабушек. В смешанных браках с православными русскими и карелами финны почти не придерживались традиций лютеранской церкви. Следование тем или иным традициям зависело от культурно-политической лояльности семьи, ее ролевой структуры и преобладающего влияния тех или иных членов группы, стиля воспитания.

С 1990-х гг. у финнов возрос интерес к своей культуре, в том числе и к лютеранству. Началось возрождение приходской жизни. В настоящее время формально имеются два прихода на территории области, но фактически действует один евангелическо-лютеранский приход в Мурманске. Строительство кирхи ведется на средства, поступающие из Финляндии. Вместе с тем для абсолютного большинства потомков финских переселенцев факт принадлежности к лютеранству стал частью семейной памяти, культурным знаком. Вероисповедание, являющееся маркером этнической культуры, относится в семейное прошлое.

В третьем параграфе «**Материальная культура**» описаны такие элементы материальной культуры как жилище, пища и одежда. В первую очередь выделены те черты материальной культуры, на которые указывали сами информанты как на этнически специфические. В ряду этнических идентификаторов они уступают таким признакам как язык и религия.

Подавляющее большинство предков информантов занимались сельским хозяйством, и род их деятельности сказывался на бытовом укладе. Устно-исторические свидетельства содержат информацию о быте финнов, занимавшихся сельскохозяйственной деятельностью на Кольском полуострове в довоенный период. Основным занятием финских колонистов был рыбный промысел при вспомогательной роли животноводства, огородничества и охоты. Такая универсальность хозяйственной деятельности позволила финским переселенцам адаптироваться и добиться успехов в освоении края.

Установлено, что материальные комплексы финнов-ингерманландцев и мурманских финнов существенно различались. Информанты, независимо от того, выходцами из какого региона являлись, отмечали, что в домостроении придерживались традиций среды проживания. Планировка ингерманландских деревень была подобна русским соседним деревням. Для мурманских финнов был характерен хуторской тип поселений (Приложение 11). В домостроении также придерживались локальных традиций. Отличия отмечались, прежде всего, в размерах домов. Обязательное наличие бани представителями всех групп отмечается как неотъемлемый признак финской культуры. Этнической особенностью финнов является совместное мытье в бане. Интерьер дома практически не имел этнической специфики.

Внутреннее убранство в домах мурманских финнов было значительно скромнее, чем у ингерманландцев.

Особенности традиционной кухни, которые отмечались информантами, также отнесены в прошлое и ассоциированы с детскими воспоминаниями. Традиционная пища как часть хозяйственного комплекса связана с природными условиями и жизнеобеспечивающими занятиями, поэтому у народов, проживающих по соседству, она во многом совпадает. У ингерманландцев, как и у их русских соседей, это молочные и крупяные блюда, ягодный кисель, пироги. У северных финнов характерна пища, близкая карелам и саамам – рыба и дичь. Из напитков отмечен традиционный для финнов кофе.

Этнические отличия в одежде выражены значительно слабее, есть лишь несколько упоминаний о сапогах-пъексах. Было распространено занятие рукоделием. В целом, знания информантов об отличиях материального комплекса финнов не вполне определенные и достаточно стереотипные, их объединяет представление об основательном хозяйстве, в котором все делалось собственноручно и доброту.

Хозяйственно-бытовой уклад финских семей закономерно трансформировался в силу изменения рода деятельности и перехода к урбанизированному быту (для спецпереселенцев – в условиях особого режима). Установлено, что в настоящее время в квартирах и домах информантов отсутствуют какие-либо приметы финского прошлого семьи, за исключением хранящихся у некоторых вещей-реликвий, например, церковных книг на финском языке (Приложение 6, фото 11).

В Заключении подводятся итоги исследования.

Появление финских поселений на Кольском Севере относится к середине 1860-х гг. Мотивом переселения послужил продолжавшийся несколько лет голод в Финляндии. Немаловажную роль сыграла покровительственная политика царского правительства в отношении колонистов. В XX в. историю российских семей с финской родословной на протяжении нескольких поколений наряду с закономерными процессами ассимиляции этнодисперсных групп, проживающих в иноэтническом окружении, определяли такие социально-политические факторы как революция и гражданская война (как в России, так и в Финляндии), коллективизация, репрессии 1930-х гг., депортации финского населения по этническому признаку в годы Второй мировой войны, продолжающаяся эмиграция в Финляндию, начавшаяся в 1990-х гг.

В дореволюционный период финны составляли самую многочисленную группу «инонационалов» в регионе (Приложение 7). Согласно переписи 1939 г. численность финнов достигла максимального значения в количественном отношении за счет переселенных раскулаченных ингерманландцев, однако в процентном отношении ко всему населению Мурманской области значительно снизилась. Финны внесли весомый вклад в

хозяйственное и культурное освоение Кольского Севера. Представители всех локальных групп участвовали в формировании и работе колхозов. Ингерманландцы принимали также активное участие в строительстве индустриальных центров. В советский период значительная часть российских финнов проявила политическую лояльность, однако, некоторые представители раскулаченных ингерманландцев латентно сохраняли негативное отношение к советской власти.

По результатам исследования выявлены некоторые стратегии адаптации семей к социально-политическим условиям, которые угрожали их безопасности, поскольку с конца 1930-х гг. осуществлялись репрессии в отношении финнов по этническому признаку. Для финских женщин оптимальным способом было замужество с русским. Распространенной формой адаптации была смена национальности в паспорте. Мужчины избирали позицию политической лояльности (военная служба, членство в партии, активное социальное участие) или, напротив, такую форму эскапизма как добровольное понижение социального статуса, в том числе с переездом в отдаленный регион, даже если это влекло за собой ухудшение материального положения. Потребности адаптации формировали особую культурную политику семей, которая включала ускоренную интеграцию детей за счет отказа от материнского языка и традиций, «забвения» семейной истории.

Было выявлено, что сохранение и трансформация этничности в семьях происходит по-разному. Сохранение финской идентичности в значительной степени зависит от культурной политики семьи, от личной мотивации самого человека, и уже затем – от внешних обстоятельств и окружающей социальной среды. Если в советский период финны склонны были скрывать свое этническое происхождение, то в последнее время наблюдается тенденция, когда некоторые представители семей с финскими корнями стали подчеркивать свое финское происхождение, даже если финном в роду был только дед. Иногда данное обстоятельство служит инструментом для достижения практической цели, связанной с желанием переехать на постоянное жительство в Финляндию.

Рассмотрение элементов этнической культуры показало, что язык, вероисповедание и тем более материальная культура не являются определяющими признаками этнической идентификации финнов. Одним из важнейших критериев является причастность к драматической истории финнов через историю и память семьи.

В **Приложениях** размещены документальные материалы, иллюстрирующие и дополняющие основные положения диссертационной работы: данные об информантах, архивные документы, фотографии, схемы, оригинальные тексты из материалов полевых исследований, таблицы, диаграммы, карты.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

В реферируемых журналах из списка ВАК:

1. Бусырева Е.В. Трансформация этничности у представителей современных кольских семей с финской родословной // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – № 3 (7). – С. 213–217.
2. Бусырева Е.В. История и причины миграций современных кольских семей с финской родословной // Вестник Орловского государственного университета. – 2012. – № 2 (22). – С. 285–288.
3. Бусырева Е.В. Браки в истории и памяти семей финских переселенцев // Вестник Тамбовского государственного университета. – Тамбов, 2012. – Вып. 11 (115). – С. 322–327. – (Серия Гуманитарные науки).
4. Бусырева Е.В. История семей с финскими корнями в контексте этносоциальных процессов (на примере Мурманской области) // Вестник Удмуртского государственного университета. – Ижевск, 2016. – Вып. 1. – С. 68–75. – (Серия История и филология).

В других изданиях:

5. Бусырева Е.В. Судьбы финских семей в памяти их потомков // Кольский Север XX–XXI вв.: культура, наука, история. – Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. – С. 51–64.
6. Бусырева Е.В. История и память современных кольских семей с финской родословной // Труды КНЦ РАН. – Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2010. – Вып. 1. – С. 79–93. – (Гуманитарные исследования).
7. Бусырева Е.В. Миграционные траектории современных кольских семей с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2011. – Вып. 2. – С. 19–29. – (Гуманитарные исследования).
8. Бусырева Е.В. Браки в истории финских переселенческих семей: биографический аспект // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2012. – Вып. 3. – С. 18–30. – (Гуманитарные исследования).
9. Бусырева Е.В. Религиозные традиции в жизни финских переселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2013. – Вып. 4. – С. 75–85. – (Гуманитарные исследования).
10. Бусырева Е.В. Национальная материальная культура в жизни финских переселенцев Кольского полуострова // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2014. – Вып. 3. – С. 76–88. – (Гуманитарные исследования).
11. Бусырева Е.В. Сохранность родного языка в переселенческих семьях с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2014. – Вып. 6. – С. 98–112. – (Гуманитарные исследования).
12. Бусырева Е.В. Судьбы семей финских колонистов Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2015. – Вып. 7. – С. 59–75. – (Гуманитарные исследования).

13. Бусырева Е.В. Судьбы ингерманландских раскулаченных семей (на примере Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2015. – Вып. 8. – С. 143–157. – (Гуманитарные исследования).
14. Бусырева Е.В. История семей из южной Финляндии, проживающих на территории Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2016. – Вып. 9. – С. 31–45. – (Гуманитарные исследования).
15. Бусырева Е.В. Архивация и «музеефикация» как формы семейной культуротворческой деятельности // Социокультурные механизмы повседневности в Приполярном мире: материалы регионального научно-практического семинара с международным участием (29 ноября 2011 года); отв. ред. А.А. Сауткин. – Мурманск: МГГУ, 2013. – С. 43–47.
16. Бусырева Е.В. Процесс трансформации этничности в семьях с финскими корнями // IX Ушаковские чтения: сборник научных статей (14–16 марта 2012 года); науч. ред. П.В. Федоров. – Мурманск: МГГУ, 2013. – С. 263–267.
17. Бусырева Е.В. Культурная политика семьи и динамика этничности на примере кольских семей с финскими корнями // Феномен социализации в этнической культуре: материалы XI этнографических чтений (4–6 декабря 2012 года); науч. ред. В.М. Грусман, Е.Е. Герасименко. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2012. – С. 113–118.
18. Бусырева Е.В. Миграции финских семей в истории края. Материалы III областной научно-практической конференции, посвященной 80-летию юбилею Кировского историко-краеведческого музея (23–24 апреля 2015 года). – Кировск, 2015 г. – С. 46–52.
19. Бусырева Е.В. Культурные процессы в финских семьях на Кольском Севере // Сборник материалов XI Конгресса антропологов и этнологов России (2–5 июля 2015 года); отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Головнёв. – Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – С. 244.
20. Busyreva E. Mechanisms of transformation of ethnicity in families with Finnish roots (on the example of the Murmansk region) // Session abstracts of 2nd International Conference “Local and Global Arctic”. – Rovaniemi, 2015. – P. 64.